ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

I.

ѢДЪ МОЙ, Василій Васильевичъ Артемьевъ, служилъ въ гвардіи, былъ ревностнымъ массономъ и, увлекшись этимъ тогда моднымъ ученіемъ, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, чтобы безъ помѣхи отдаться своимъ любимымъ мистическимъ занятіямъ.

Въ селѣ Плоскомъ (Ефремовскаго уѣзда, Тульской губерніи), которое дѣдъ выбралъ для постояннаго жительства, до сихъ поръ разсказываются легенды о немъ, какъ о колдунѣ и чародеѣ,—такъ сильно поражало дворню и крестьянъ рѣдкое въ то время явленіе, что богатый помѣщикъ не занимается охотой и кутежами, а проводитъ дни и ночи въ своемъ кабинетѣ за толстыми фоліантами книгъ. Погрузившись въ туманную философію, дѣдъ не удостоивалъ заниматься землей. Самъ онъ не тѣснилъ своихъ крестьянъ и отличался скорѣе гуманнымъ отношеніемъ къ нимъ, но несчастнымъ крестьянамъ жилось отъ этого не легче, такъ какъ безчисленная свора приказчиковъ, старостъ и конторщиковъ, нещадно ихъ обирала, не жалѣя и господскаго кармана, пользуясь тѣмъ, что хозяинъ ни до чего не касался, ни во что не вникалъ. Дѣдъ, распоряжаясь всѣмъ изъ своего кабинета, никогда не провѣрялъ, исполненъ ли приказъ его, такъ какъ даже не допускалъ мысли, чтобы нашелся ослушникъ его барской воли.

Ученость не могла, однако, перемѣнить его крѣпостническо-барской натуры. Человѣкъ онъ былъ крутой, непоколебимо упрямый. Больше всего отъ его упрямства пострадалъ мой отецъ, а его старшій сынъ, Николай Васильевичъ. Съ большими способностями и страстной жаждой знанія онъ напрасно стремился въ университетъ; дѣдъ неумолимо настаивалъ на военной службѣ. «Дѣдъ и отецъ твой были военными, и ты имъ будешь». И, конечно, настоялъ. Отецъ поступилъ въ гвардію. Попавъ въ Петербургъ, въ 20-хъ годахъ, красивый, сильный и веселый гвардеецъ сдѣлался общимъ любимцемъ и заправилой всѣхъ кутежей. Въ короткій срокъ онъ спустилъ половину отцовскаго состоянія въ азартной игрѣ, которой отдался со страстью, какъ бы желая забыть въ ней свои несбывшіяся мечты и стремленія. Смерть отца, послѣдовавшая въ то время, развязала сыну руки. Печальное было время, когда дѣти начинали жить только послѣ смерти родителей, а при ихъ жизни не должны были имѣть ни воли, ни разсудка. Только очень сильные характеры могли сохранить свое «я», не стушеваться и не превратиться въ полное ничтожество. Послѣ смерти дѣда отецъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ гвардіи подпоручика, и поспѣшилъ въ деревню.

Хорошо еще, что старикъ, хотя и самодуръ, былъ справедливъ и упорно отказывался перевести имѣніе на имя жены, на чемъ настаивали всѣ окружавшіе его.

— Я знаю сына своего Николая, онъ хотя и мотъ, но мать и родныхъ не обидитъ, и я умираю спокойно, — отвѣчалъ дѣдъ на ихъ просьбы.

Старикъ не ошибся въ сынѣ. Если послѣдній кого и обидѣлъ при раздѣлѣ, то развѣ только себя. Сестрѣ и матери онъ далъ одинаковыя доли съ собой, предоставивъ матери, сверхъ того, пользоваться нераздѣльно движимымъ имуществомъ и деньгами, оставшимися послѣ покойнаго мужа. Младшему же брату, Петру Васильевичу, удѣлилъ село Плоское, съ прекрасною усадьбой, а себѣ неустроенные хутора Любовшу и Дубровку.

Раздѣливъ наслѣдство, отецъ поспѣшилъ уѣхать за границу, предоставивъ матери заниматься хозяйствомъ.

Сначала онъ поступилъ вольнослушателемъ въ Гейдельбергскій университетъ на медицинскій факультетъ. Прежній кутила-гвардеецъ превратился въ скромнаго студента. Жажда знанія просто пожирала его. Онъ не только запоемъ изучалъ любимый предметъ, но поражалъ всѣхъ необыкновенными способностями, въ самый короткій срокъ въ совершенствѣ сталъ говорить на восьми языкахъ. Замѣчательная легкость, съ которой онъ имъ научился, тѣмъ болѣе поражала всѣхъ, что онъ началъ свое ученіе на тридцатомъ году. Правда, практика много помогла, такъ какъ онъ объѣздилъ всю Европу, а кое-гдѣ прошелъ и пѣшкомъ, не какъ любитель-туристъ, но какъ человѣкъ, пріѣхавшій учиться и которому время дорого.

Пока отецъ находился за границей, имѣніями управляла, какъ я уже сказала, бабушка Вѣра Николаевна. Это была женщина болѣзненная, тучная, а потому изъ дому никуда не выходила. Даже и въ церковь, которая отстояла въ двухъ шагахъ отъ усадьбы, она ѣздила въ экипажѣ. Это не мѣшало ей воображать, что она прекрасная, образцовая хозяйка, потому что конторщикъ каждый вечеръ подавалъ ей журналъ, гдѣ было отмѣчено, что выдано столько-то сальныхъ свѣчъ, фунтъ конопляного масла, курица, утка и такая-то и такая-то провизія въ застольную. Записывали также, сколько обмолочено копенъ и, вообще, приходъ и расходъ хлѣба, а сколько его родилось и вымолочено на самомъ дѣлѣ, никому и въ голову не приходило провѣрить на мѣстѣ.

Отдавая приказанія своему приказчику, толстому, краснорожему Якову Ивановичу, бывшему камердинеру покойнаго мужа, и выслушивая его доклады, сидя на диванѣ въ гостиной, старушка воображала, что все дѣлается по ея желанію. А на самомъ дѣлѣ полнымъ и безконтрольнымъ властелиномъ былъ Яковъ Ивановичъ.

Задумала, напримѣръ, старая барыня пристроить къ сельскому храму теплый придѣлъ, приказала приказчику равномѣрно распредѣлить между всѣми крестьянами подвозъ кирпича и глины. Но Якову Ивановичу не захотѣлось заставить своихъ площанскихъ мужиковъ надрывать лошадей, въ глубокую осень, подвозомъ строительнаго матеріала. Вѣдь вся деревня была ему сродни, кто братъ, кто сватъ, кто кумъ, а кто и просто пріятель. Гораздо было проще взвалить эту обязанность на хуторскихъ мужиковъ, принадлежавшихъ старшему барину, онъ же кстати и за границей, пожаловаться некому. И увѣрилъ пронырливый приказчикъ свою барыню, что любовшинская глина и песокъ много лучше площанской, и потому тамъ удобнѣе выдѣлывать кирпичъ и подвозить его за семь верстъ. Разумѣется, барыня согласилась съ его доводами. Несчастные 150 ревизскихъ душъ въ глубокую осень, въ невылазную грязь, должны были возить кирпичъ и глину за семь верстъ на постройку церковнаго придѣла, и лошадей заморили и сами порядкомъ поразорились, а весь матеріалъ подъ бокомъ около самой церкви, но тогда пришлось бы работать и площанскимъ мужикамъ.

Но это были цвѣточки, а ягодки послѣ.

Въ 1839 году, урожай былъ посредственный; цѣны на хлѣбъ стояли въ Мценскѣ довольно высокія, а Мценскъ находился въ семидесяти верстахъ отъ Артемьевскихъ имѣній, такъ что казалось бы вполнѣ выгоднымъ и удобнымъ доставить туда хлѣбъ. Но не такъ разсудилъ Яковъ Ивановичъ. Въ этомъ же году, по случаю большихъ маневровъ въ Бородинѣ, туда стянулась масса войскъ, и цѣны на всѣ припасы, въ особенности на хлѣбъ, поднялись неслыханныя. Подкупленный смоленскими купцами, Яковъ Ивановичъ уговорилъ ничего не понимающую старушку запродать 1.000 чтв. ржи, по

6 рублей ассигнаціями за четверть, съ доставкой въ Бородино (т. е. верстъ за 500). Дѣло было въ ноябрѣ, въ началѣ зимы голоднаго 1840 года, оставившаго по себѣ страшную память. Лютая, безснѣжная зима вымерозила не только фруктовые сады, но и дубъ не устоялъ, а зеленя еще съ осени всѣ пропали. Хорошіе хозяева берегли хлѣбъ на голодный годъ, но приказчикъ ожидалъ нѣчто худшее, чѣмъ голодный годъ,— пріѣзда старшаго барина, а потому надо было спѣшить наживаться.

Младшій баринъ, Петръ Васильевичъ, служилъ въ губернскомъ городѣ, пріѣзжая домой, получалъ доходы съ своей части и провѣрялъ ихъ. Конечно, его доходы были вдвое больше братниныхъ, и онъ отсѣялъ и сохранилъ свой хлѣбъ.

Жестокая была осень и начало зимы въ этомъ несчастномъ году. Взвыли мужики,—овесъ родился плохой, и доставка обошлась дороже выручки. Предлагали такую же цѣну на мѣстѣ, но Яковъ Ивановичъ, ссылаясь на то, что господское слово дороже золота, настоялъ на томъ, чтобы всѣ 1.000 четвертей были вывезены до зерна. Почти всѣхъ лошадей лишились мужики и, наравнѣ съ пожаромъ, голодомъ и холерой, поминали бѣдственные бородинскіе обозы.

Наконецъ, вернулся изъ-за границы мой отецъ и рѣшилъ, поселившись въ деревнѣ, заняться самъ хозяйствомъ. Тѣ обстоятельства, при которыхъ ему пришлось начать хозяйничать, были ужасны. У усадьбы не было ни кола, ни двора, никакого хозяйственнаго инвентаря; ни у него, ни у мужиковъ — ни зерна хлѣба; поля черныя. Мужики обнищали, лошади пропали, избы развалились, да и въ нихъ самый плохенькій народъ остался, такъ какъ рекрутчину за площанскихъ мужиковъ отбывали любовшинскіе да дубровскіе. Изъ 1.500 десятинъ унавожено не больше 8 десятинъ, да и то ближняго поля.

— Отчего же такъ малю?— съ отчаяніемъ спрашивалъ молодой помѣщикъ.

— Нечѣмъ было. Здѣсь только жеребята да мелкій скотъ находились, а весь крупный въ Плоскомъ, тамъ и навозили.

— Да вѣдь мы съ братомъ шесть лѣтъ тому назадъ поровну дѣлили скотъ и лошадей, отчего же крупный очутился весь у него, а мелкій у меня?

— Въ Плоскомъ теплыя конюшни и скотные дворы, а здѣсь гнилые сараишки, того и гляди, завалятся.

— Что ты глупости болтаешь! При раздѣлѣ было оговорено, что мнѣ выстроятъ новые конный и скотные дворы. Что же ты смотрѣлъ?

— Не было времени припасти матеріалу, надо срубить лѣсъ, чтобы высохъ, а мужички были заняты постройкой церковнаго придѣла.

Вспылилъ, зашумѣлъ, выругался баринъ и, прогнавъ приказчика, взялся самъ за дѣло.

Когда отецъ оглядѣлся въ своемъ разоренномъ хозяйствѣ, то оказалось, что на самомъ дѣлѣ онъ не четвертую часть получилъ, а едва десятую, такъ какъ бо̀льшая часть строевого лѣса, несмотря на раздѣлъ, оказалась собственностью Петра Васильевича. Гнѣвъ отца дядя сумѣлъ успокоить слѣдующимъ аргументомъ: «Богъ далъ братцу умку побольше, а мнѣ лѣску». Отецъ разсмѣялся и махнулъ рукой. «Не судиться же съ братомъ». Гораздо труднѣе ему было помириться съ вандальскимъ поступкомъ Петра Васильевича, простершаго свое владычество до того, что сжегъ всю богатую библіотеку дѣдушки, Василія Васильевича, какъ еретическую.

Но, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, неусыпные труды и ничѣмъ не подавляемая энергія сдѣлали свое. Хозяйство начало постепенно процвѣтать, мужики богатѣли, а самъ помѣщикъ, послѣ цѣлаго ряда лишеній и ограниченія всѣхъ своихъ вкусовъ и привычекъ, получилъ опять возможность жить, согласуясь съ потребностями и наклонностями барина и образованнаго человѣка, и дать дѣтямъ то, чего онъ добился для себя съ такимъ трудомъ,— заграничное воспитаніе.

Но чтобы дать маленькое понятіе о томъ, что можетъ создать человѣкъ съ одной твердой волей, обращусь къ воспоминаніямъ своей матери, которыми я больше всего руководствуюсь. Вотъ что она пишетъ:

«Жутко вспомнить, какъ это начало было пережито. Тѣ, кто видѣли 20 лѣтъ спустя плодородныя, отлично обработанныя поля, гумно, полное скирдовъ; широко раскинувшуюся барскую усадьбу, выглядывающую изъ большого, тѣнистаго, молодого парка, разбитаго между столѣтнихъ дубовъ; кто видѣлъ длинный рядъ новыхъ, просторныхъ избъ и крестьянъ, выѣзжающихъ въ ряду на пяти и шести породистыхъ, крѣпкихъ лошадяхъ изъ каждаго двора,—тѣ не повѣрили бы, какую жалкую картину запустѣнія представляла Любовша, когда въ ней поселился ея владѣлецъ».

Несмотря на европейское образованіе, отецъ мой и по воспитанію и по натурѣ былъ все-таки кореннымъ русскимъ помѣщикомъ, и для него было бы немыслимо другое хозяйство, какъ крѣпостное. Но этотъ закоренѣлый крѣпостникъ сдѣлалъ для своихъ крестьянъ больше, чѣмъ многіе просвѣщенные гуманисты и прогрессисты, которые проливали слезы надъ бѣднымъ, порабощеннымъ мужикомъ, а сами палецъ о палецъ не ударили, чтобы облегчить его положеніе. Въ цвѣтѣ лѣтъ (отцу было 36 лѣтъ, когда онъ навсегда поселился въ деревнѣ), въ полномъ развитіи умственныхъ силъ, имѣя возможность наконецъ насладиться тѣмъ, къ чему онъ напрасно стремился съ юныхъ лѣтъ, у него хватило характера оторваться отъ всего, что его манило, и поселиться на цѣлую жизнь

въ степной глуши, гдѣ онъ не могъ найти ничего, кромѣ труда. И вотъ блестящій гвардеецъ превратился въ сельскаго хозяина и доктора и занялся не только устройствомъ своего разореннаго гнѣзда, но и крестьянскаго быта, а также и лѣченіемъ народа.

Въ двухъ верстахъ отъ Любовши находился хуторъ Лутовиновка, принадлежавшій матери знаменитаго писателя, Ивана Сергѣевича Тургенева, и перешедшій къ нему по наслѣдству. Даже непріятно останавливаться мыслью на томъ, что тамъ дѣлалось; но главное зло заключалось не въ матеріальномъ разореніи крестьянъ, а въ нравственномъ растлѣніи. Лутовиновка, благодаря разврату разныхъ приказчиковъ, бурмистровъ и прочаго сельскаго «начальства», уже въ тридцатыхъ годахъ представляла изъ себя гнѣздо заразы и поголовно гнила отъ «французской болѣзни». Болѣзнь распространялась съ ужасающей быстротой, такъ какъ ей на подмогу спѣшили голодъ, холодъ, нечистоплотность и невѣжество.

Въ короткій срокъ всѣ сосѣднія деревни, а больше всего ближняя Любовша, были надѣлены Лутовиновской заразой.

Поселившись на своемъ хуторѣ, отецъ наскоро выстроилъ флигель для житья, и первой заботой его было заняться лѣченіемъ своихъ крестьянъ. Строгою помѣщичью властью было прекращено всякое сообщеніе, сватовство и кумовство съ зараженной деревней, а успѣвшихъ заполучить заразу принялись лѣчить и отдѣлили отъ здоровыхъ. Ужъ одно это отдѣленіе, соединенное со страхомъ передъ строгимъ бариномъ, заставило больныхъ слѣпо слѣдовать предписаніямъ доктора-помѣщика. Отецъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни расходовъ, и лѣченіе его достигло такихъ блестящихъ результатовъ, что изъ 200 человѣкъ больныхъ почти всѣ выздоровѣли.

Въ короткій срокъ изъ запущеннаго и разореннаго хутора Любовши выросла помѣщичья усадьба. Конскій заводъ, мельница и тщательное хлѣбопашество удесятерили доходы имѣнія. Основнымъ правиломъ отца было то, что богатство помѣщика основывается на благосостояніи крестьянъ. И зажиточнѣе любовшинскихъ мужиковъ не было во всемъ округѣ.

Строгъ былъ покойникъ, горячъ и скоръ на расправу, но справедливъ и милостивъ. Врагъ всякихъ сантиментовъ, онъ, подавая скорую и дѣятельную помощь своимъ крестьянамъ, всегда увѣрялъ, что это дѣлаетъ только для своей пользы. Тщательно слѣдилось за хорошимъ уходомъ за лошадьми, неумолимо преслѣдовалось жестокое съ ними обращеніе, но если лошадь или скотъ падалъ, то онъ замѣнялся другимъ. Ни одинъ мужикъ не могъ разориться ни отъ несчастья, ни отъ собственной вины. За нерадѣніе его наказывали, часто даже жестоко, но убытокъ всегда покрывался изъ господскаго кармана.

Отецъ мой и женился такъ же оригинально, какъ и жилъ. Въ глубокую осень онъ однажды возвращался изъ Тулы. Подъѣзжая къ

постоялому двору, онъ увидѣлъ въ стоявшемъ около него тарантасѣ фигуру, покрытую чудными, распущенными, каштановыми волосами. Не видѣвъ еще лица этой особы, но увлекшись ея прекрасными волосами, отецъ далъ себѣ слово, что если она дѣвица, то будетъ его женой. Вскорѣ тарантасъ тронулся; тяжелый, шестимѣстный, онъ, не успѣвъ еще отъѣхать далеко, застрялъ въ грязи. Кучеръ, форейторъ и лакей напрасно хлопотали и суетились около него, стараясь вытащить.

Въ это время легкій фаэтонъ моего отца нагналъ злополучный тарантасъ, и отецъ, выскочивъ изъ экипажа, поспѣшилъ на помощь. Увидѣвъ, что заднее колесо соскочило, онъ попросилъ дамъ сидѣть смирно, а самъ со всей поклажей тарантаса и съ сидящими въ немъ дамами поднялъ ось и держалъ ее, пока не надѣли колесо и не вбили втулку.

Конечно, подобный подвигъ не замедлилъ произвести должное впечатлѣніе на молодую дѣвушку, Вѣру Павловну Яблочкову, ѣхавшую съ матерью въ имѣніе своего брата Тихона Павловича; имѣніе это, по странному совпаденію, было одного Ефремовскаго уѣзда и наименованія съ Артемьевскимъ Плоскимъ и отстояло отъ него на 80 верстъ.

Къ счастью отца, особа, покрытая лѣсомъ великолѣпныхъ волосъ, оказалась не только высокой и стройной, но въ полномъ смыслѣ русской красавицей, съ чудными темно-синими глазами, окаймленными длинными рѣсницами, прелестнымъ ротикомъ и свѣжимъ цвѣтомъ лица.

Я увѣрена, что будь она горбатой или хромой, или даже уродомъ, отецъ хотя бы и опрометчиво, но разъ далъ себѣ слово, женился бы все-таки на ней. Но отцу везло. Дѣвушка, которую онъ, не видавъ еще, обрекъ во что бы то ни стало сдѣлаться его женой, была не только изъ прекрасной семьи, но красивой, стройной, идеально-кроткой, самоотверженной и доброй. При всемъ этомъ она отличалась феноменальной памятью, страстью и способностью къ ученью и чрезвычайно быстро изъ деревенской, малообразованной барышни, сдѣлалась по своему развитію и знаніямъ выдающейся женщиной того времени.

Мужа-деспота и умницу-мать боготворила, не позволяя себѣ и тѣни критики ихъ поступковъ. Почти не зная нѣмецкаго языка, она въ короткій срокъ выучила всего Гегеля наизусть. Къ сожалѣнію, несмотря на все развитіе и умъ отца, онъ не въ состояніи былъ оцѣнить всю безыскусственную прелесть своей молодой жены. Привыкнувъ къ извращенному кокетству великосвѣтскихъ женщинъ, онъ не сумѣлъ понять душевную красоту наивно-чистаго ребенка-женщины, какимъ мать осталась до самой смерти. Она проходила въ жизни около житейской грязи, не только не замѣчая ее, но просто ей никогда не приходила въ голову мысль, что есть что нибудь

нечистое на свѣтѣ. Единственнымъ ея порокомъ въ глазахъ отца было полное отсутствіе кокетства. Пожившй, пожилой мужчина не только не цѣнилъ слѣпой любви молодой женщины, бывшей почти на двадцать лѣтъ моложе его, но третировалъ ее свысока. И напрасно мать усовершенствовалась умственно, выучилась прекрасно говорить на иностранныхъ языкахъ, прочитывала неудобоваримыя книги тяжеловѣсныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, запоминая ихъ почти отъ строки до строки, даже латынь она усвоила себѣ легко и по рецептамъ отца составляла всѣ лѣкарства въ богатой и разнообразной отцовской аптекѣ. Отецъ, конечно, по-своему ее любя, отдавая справедливость ея доброму сердцу, уважая въ ней мать двѣнадцати человѣкъ дѣтей и часто, не сознавая этого, дѣйствуя подъ ея вліяніемъ, всегда съ насмѣшкой относился къ ней, какъ къ женщинѣ. Умѣй мать со вкусомъ причесать свои чудныя косы и знай цѣну своей красоты, и отецъ преклонялся бы передъ ней. Но все-таки, несмотря на наружный разладъ, такъ какъ отецъ былъ прежде всего бариномъ съ головы до ногъ, а мать, несмотря на то, что по рожденію была выше и родовитѣе, ничего барскаго (въ смыслѣ стараго барства) не имѣла,—внутренняя гармонія была у нихъ удивительная. Оба они до старости лѣтъ продолжали учиться и учиться и все рвались еще впередъ, а приносить пользу окружающимъ для нихъ составляло органическую потребность.

Впрочемъ, мать была такой своеобразно-оригинальной женщиной, что ей слѣдуетъ отвести особую страничку, а теперь въ заключеніе этой главы приведу опять подлинныя ея слова изъ начатаго, но не конченнаго ею, разсказа о своей жизни.

«Женился Николай Васильевичъ на безприданницѣ и нашелъ въ женѣ усердную помощницу въ своихъ трудахъ на благо крестьянъ. Молодая женщина горячо любила и уважала мужа, только и думала, какъ бы сдѣлать его счастливымъ, но еще больше любила она свои обязанности. Мужъ ея, можетъ быть, во многомъ перенялъ ея сознаніе долга къ зависящимъ отъ него людямъ, а дѣти ея съ раннихъ лѣтъ узнали долгъ всякаго человѣка къ ближнему[1]), и потому между семействомъ Артемьевыхъ и крестьянами ихъ деревни и при крѣпостномъ правѣ, и по освобожденіи отъ него установилась такая близкая, сердечная, какъ бы семейная связь, которая продолжается даже годы и будетъ продолжаться, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока хоть кто нибудь изъ рода Артемьевыхъ сохранитъ хотя клочекъ земли изъ отцовскаго наслѣдія».

Эти преданія, эти отношенія къ народу были единственнымъ до-

[1]) Мать не ошиблась. Владѣтельница Любовши въ настоящее время—сестра моя, Любовь Николаевна Вобрищева-Пушкина. Въ голодные годы, только благодаря ея энергіи и настойчивости, сотни крестьянъ спаслись отъ голодной смерти. Впрочемъ, въ свое время отчеты о ея дѣятельности были напечатаны во многихъ журналахъ и газетахъ.

стояніемъ, которое мать принесла изъ родительскаго дома и завѣщала своимъ дѣтямъ. Раннія впечатлѣнія дѣтства и воспоминанія о жизни отца ея, Павла Михаиловича Яблочкова, хранимыя ею, какъ святыня, имѣли такое вліяніе на всю ея жизнь, а черезъ нее и на дѣтей, что я разскажу о дѣдѣ особо, потому что молодому поколѣнію не мѣшаетъ узнать, что и въ старину не все было плохо, и встрѣчались такіе люди, которымъ можно подражать, и память о которыхъ сохранится изъ рода въ родъ.

II.

Рѣдко и теперь встрѣчаются такіе люди, какъ Павелъ Михайловичъ Яблочковъ, отецъ моей матери, а лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ и подавно.

Отецъ его, Михаилъ Алексѣевичъ, благодаря уму и энергіи, устроилъ свое наслѣдственное состояніе. Въ то время по Волгѣ и Новороссіи земля была баснословно дешева, такъ какъ правительство при Екатеринѣ Великой заботилось о заселеніи голыхъ степей. Михаилъ Алексѣевичъ купилъ по рублю и дешевле пять тысячъ десятинъ земли въ Саратовской губерніи, да шесть тысячъ въ Харьковской. Онъ переселилъ туда купленныхъ у мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ въ малоземельныхъ губерніяхъ Калужской и Смоленской самыхъ бѣдныхъ и разоренныхъ крестьянъ, а также изъ своей наслѣдственной вотчины одинокихъ и безземельныхъ дворовыхъ и устроилъ ихъ на привольной землѣ. Обстроивъ ихъ на свой счетъ и обзаведя всѣмъ нужнымъ, выдѣлилъ на каждое тягло десятинъ по двадцати. Земля была плодородная, завѣдывалъ Михаилъ Алексѣевичъ хозяйствомъ самъ, а когда онъ былъ въ отсутствіи, то за всѣмъ наблюдали сыновья, и въ самый короткій срокъ имѣніе со всѣми расходами по переселенію окупилось.

Когда Михаилъ Алексѣевичъ все устроилъ, то рѣшилъ, что ему пора на покой, а дѣло могутъ продолжать сыновья, и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

— Довольно я, дѣти, потрудился на своемъ вѣку и свято исполнилъ свои обязанности, какъ христіанинъ, отецъ и помѣщикъ; семь церквей построилъ. Сестрѣ вашей далъ приданое отдѣльно, а вамъ тремъ оставляю пять деревень, слишкомъ тысячу крестьянъ, обстроенныхъ, зажиточныхъ, надѣленныхъ вволю землей, лошадьми и скотомъ. Дѣлите же между собой, какъ знаете, нажитое мною добро; нѣтъ на немъ ни чужихъ слезъ, ни чужого гроша. Все пріобрѣтено честнымъ трудомъ. Вы же въ такомъ уже возрастѣ, что понимаете, какъ жить и хозяйничать.

Подѣлились братья еще при жизни отца. Такъ какъ у старшаго, бездѣтнаго, жена была родомъ изъ Малороссіи, то онъ по-

просилъ себѣ обѣ тамошнія деревни, чтобы женѣ ближе быть къ роднымъ. Младшій, холостой, давно хозяйничалъ въ Саратовской губерніи и обжился тамъ, поэтому настоялъ, чтобы ему выдѣлили тамъ эти шесть тысячъ десятинъ земли и 500 душъ крестьянъ, такъ какъ онъ давно смотрѣлъ на саратовское имѣше, какъ на свое собственное.

Среднему брату, Павлу Михайловичу, досталась наслѣдственная вотчина въ Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, 700 десятинъ земли съ 120 душами крестьянъ, и при ней усадьба съ домомъ въ 36 комнатъ, да сто человѣкъ дворовыхъ.

— Такъ какъ у тебя одного дѣти,—убѣждали его братья,—и батюшка съ матушкой не хотятъ съ тобой разлучаться, то тебѣ приличнѣе жить въ каменныхъ палатахъ. Тѣмъ больше, что родители привыкли къ большому дому, да и намъ будетъ куда пріѣхать васъ провѣдать.

Замужняя сестра Павла Михайловича получила имѣніе въ двухъ верстахъ, и вся родня почти живьмя жила у добродушнаго братца; всѣхъ надо было пріютить, накормить, а откуда было брать изъ такого маленькаго по тому времени имѣнія,—родственники въ толкъ взять не хотѣли.

Возмутились этимъ дѣлежемъ старики, и Михаилъ Алексѣевичъ хотѣлъ уже самъ по-своему раздѣлить сыновей, чтобы они брата не обидѣли, но Павелъ Михайловичъ упросилъ его не вмѣшиваться въ это.

— Оставьте ихъ, батюшка,—говорилъ онъ,—не хочу я изъ-за денегъ да изъ-за вами нажитаго раздоры заводить. У насъ на Руси человѣкъ съ головой никогда не пропадетъ. Дайте вы мнѣ свое благословеніе, да хотя цѣлковый денегъ, если Богъ благословитъ мои труды, я и самъ не хуже вашего наживу, да и дѣтямъ еще оставлю. Не даромъ царь Давидъ въ Псалтирѣ говоритъ: «не обнищаютъ дѣти праведнаго», а я законъ Господень ношу въ сердцѣ и никогда его не преступлю, такъ Онъ, милосердный, не оставитъ моихъ дѣтей и не предастъ ихъ нуждѣ.

Такъ и состоялся дѣлежъ по желанію братьевъ.

Послѣдніе годы жизни отца и матери Павелъ Михайловичъ такъ успокоилъ, что они и не замѣтили перемѣны отъ уменьшенія состоянія. За женой своей, Елизаветой Никитишной, урожденной Бѣличевой, Павелъ Михайловичъ получилъ семь тысячъ ассигнаціями. Какъ ни малы были эти деньги, а онъ сталъ съ нихъ жить.

Лѣсу было въ то время вволю, и Павелъ Михайловичъ построилъ въ своемъ имѣніи небольшой винокуренный заводъ. Кромѣ того, накупитъ, бывало, быковъ, откормитъ ихъ бардой и продастъ съ прибылью весной; навоза наберется много, поля унавожены отлично; земля ближняя, хорошая. Въ какихъ нибудь пять, шесть лѣтъ удобрилъ онъ ее, какъ огородъ, и стала земля давать вдвое уро-

жая противъ сосѣдей. За всякую работу, сверхъ полевой, онъ положилъ своимъ крестьянамъ особую плату, и мужики богатѣли вмѣстѣ съ своимъ помѣщикомъ.

Какъ будто особенное благословеніе Господне было на всѣхъ его трудахъ и предпріятіяхъ. Пришелъ голодный годъ, а у Павла Михайловича и его крестьянъ на хорошо удобренной, глубоко вспаханной землѣ неурожаевъ не бываетъ. Но Павелъ Михайловичъ не считалъ себя въ правѣ пользоваться одинъ Богомъ дарованнымъ и потому отъ каждаго урожая отдѣлялъ извѣстную часть на улучшеніе быта крестьянъ не только своихъ, но даже и чужихъ. Трудно повѣрить, но въ семьѣ сохранились преданія и старики-сосѣди долго помнили и дѣтямъ разсказывали, что въ голодные годы на большомъ красномъ дворѣ у Павла Михайловича не снимались столы, ежедневно кипѣли котлы съ похлебкой и кашей и напекались пуды хлѣба. Когда приходили нищіе просить милостыню, то садились также за столы, ѣли вволю и даже мѣшки набивали хлѣбомъ и хотя масса народа стекалась, но никому отказа не было. За то ни жена, ни дочери, какъ стали подростать, о нарядахъ и думать не смѣли. Въ день свадьбы онъ вынулъ у жены серьги изъ ушей; ни одной золотой вещицы надѣть не позволялъ. За столъ садилось человѣкъ тридцать и больше, и всѣ сыты бывали, но шампанскаго и другихъ иностранныхъ винъ въ домѣ не водилось, да и вообще ни на какую роскошь не давалъ онъ ни копейки, говоря, что это у бѣднаго кусокъ отнимать. Только въ одномъ Павелъ Михайловичъ дѣлалъ поблажку женѣ своей Елизаветѣ Никитишнѣ, давая ей довольно крупную сумму на устройство домашнихъ спектаклей (что̀ составляло ея слабость), на которыхъ разыгрывались крѣпостными пьесы ея собственнаго сочиненія.

Пользуясь необычайной добротой Павла Михайловича, въ домѣ у него всегда жила масса всевозможныхъ приживалокъ, приживальщиковъ и даровыхъ нахлѣбниковъ. Насколько просто было водвореніе этихъ «милыхъ» и нахальныхъ существъ, я приведу одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ. Однажды, онъ нанялъ для мальчиковъ учителя. Учитель оказался женатъ и съ дѣтьми. Ему выстроили около барскаго дома особый флигелекъ (въ домѣ все уже было переполнено). Вскорѣ къ учителю пріѣхала теща и, увидѣвъ, что житье здѣсь привольное, водворилась навсегда. Къ ней присоединилась вдовая дочь съ взрослыми дѣтьми. Доложили Павлу Михайловичу, что семья учителя такъ увеличилась, что флигель сталъ тѣсенъ; онъ приказалъ выстроить другой побольше, и эта совершенно чужая семья, со всѣми правами близкихъ родственниковъ, жила у Павла Михайловича, плодясь и размножаясь до самаго разоренія ихъ благодѣтеля.

Вообще, Павелъ Михайловичъ благотворилъ такъ, что лѣвая рука не знала, что творила правая. Много лѣтъ спустя, послѣ уже

его смерти, дѣти узнали, сколько погорѣлыхъ деревень онъ обстроилъ и сколько семействъ вывелъ изъ нищеты. Но сколько онъ ни раздавалъ, имѣніе его не уменьшалось, а все увеличивалось. Всѣ предпріятія ему необыкновенно удавались. Впрочемъ, если онъ иногда и терпѣлъ неудачу, то не унывалъ, а принимался за дѣло снова еще съ большей энергіей, пока не добивался своего.

Бывало, соберется съ деньгами изъ доходовъ, да призайметъ и купитъ задешево небольшое, разоренное имѣніе съ обнищавшими крестьянами. Въ нѣсколько лѣтъ урожаи удвоятся, крестьяне поправятся, бездоходное имѣніе сдѣлается выгоднымъ, и онъ его перепродастъ съ большимъ барышемъ, но всегда въ хорошія руки.

Полученную послѣ тетки въ наслѣдство небольшую деревеньку онъ, устроивъ тоже, выгодно продалъ, оставивъ людей за собой. На эти деньги купилъ довольно значительное имѣніе, только малоземельное съ разоренными крестьянами. Онъ выстроилъ домъ, при томъ же надѣлѣ земли оставилъ только половину мужиковъ, продалъ опять его, а самъ перевелъ остальныхъ мужиковъ въ Малороссію, гдѣ пріобрѣлъ 1.500 десятинъ прекрасной земли на границѣ трехъ губерній: Екатеринославской, Полтавской и Харьковской, такъ что сбытъ хлѣба всегда могъ быть хорошій. По обыкновенію своему онъ, переселивъ крестьянъ, обстроилъ ихъ и обзавелъ лошадьми и скотомъ, при чемъ вволю надѣлилъ землей. Когда внукамъ его, послѣ отмѣны крѣпостного права, пришлось размежеваться съ крестьянами, то они оказались тысячниками, а гумна и стада ихъ были такія, что позавидовалъ бы иной помѣщикъ.

Такъ какъ по случаю Отечественной войны цѣны на хлѣбъ поднялись неслыханныя, а первый же урожай пшеницы былъ заломный, то, несмотря на воровство приказчика, которому Павелъ Михайловичъ поручилъ новое имѣніе и всѣ расходы по переселенію и обзаведенію крестьянъ, а также дороговизну земли (по 25 рубл. ассигн.),—имѣніе окупилось.

Въ 1820 году, Павлу Михайловичу опять предложили купить имѣніе въ Рязанской губерніи, въ которомъ была желѣзная руда, много строевого лѣса и воды, а при нихъ 700 десятинъ песку и болотъ. Никто не рѣшался купить это имѣніе, такъ какъ о немъ шла дурная слава. Прежній его помѣщикъ, составивъ изъ крѣпостныхъ разбойничью шайку, неистово грабилъ и убивалъ проѣзжихъ купцовъ и дворянъ, да и простому люду не было пощады. На сотни верстъ онъ держалъ всѣхъ въ страхѣ, и когда его наконецъ поймали и сослали, и шайка безъ предводителя распалась, то окрестные жители не знали, какъ Бога благодарить. Но крестьяне, отвыкнувъ отъ всякаго труда, да и не имѣя возможности прокормиться на плохой землѣ, живя въ какихъ-то берлогахъ вмѣсто избъ, просто потеряли образъ человѣческій и кормились нищенствомъ да воровствомъ. Но такая неприглядная картина не испу-

гала Павла Михайловича, напротивъ, побудила его скорѣе пріобрѣсти имѣніе, чтобы испробовать свои колонизаторскія способности.

Правительство (такъ какъ за ненахожденіемъ наслѣдниковъ имѣніе перешло въ казну) поспѣшило отдѣлаться отъ него, не гоняясь за цѣной.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ Желѣзновку узнать нельзя было. Сосѣди и до сихъ поръ удивляются богатству, честности и трудолюбію дѣтей и внуковъ бывшихъ разбойниковъ и душегубцевъ, и все благодаря умѣлому и человѣчному отношенію помѣщика къ крестьянамъ.

Вступивъ во владѣніе имѣніемъ, Павелъ Михайловичъ передѣлалъ изъ какой-то развалившейся двухъэтажной фабрики домъ, перевезъ семью, и закипѣла у него работа. Лѣсъ, плотники, столяры и прочіе мастера были свои, и постройка подвигалась быстро. За деньгами тоже дѣло не стояло, кредитъ у Павла Михайловича, извѣстнаго честной расплатой, былъ неограниченный.

Только самъ онъ отъ безпрерывныхъ заботъ и трудовъ сдѣлался слабъ и хилъ; хотя члены у него сводились нервной судорогой, но какъ его ни корчило и ни дергало, онъ все-таки ни на минуту не оставлялъ заведеннаго дѣла безъ личнаго наблюденія.

Въ четыре, пять лѣтъ онъ выстроилъ водяную мельницу, поташный, мыльный и винокуренный заводы. Паровикъ, пущенный въ ходъ въ 1825 году на винокуренномъ заводѣ, былъ изобрѣтенъ самимъ Павломъ Михайловичемъ. Паровикъ этотъ лопнулъ и принесъ 40 тыс. убытку, но Павелъ Михайловичъ не унывалъ. Второй паровикъ вышелъ удачнымъ, и дѣло пошло прекрасно. Въ первый же годъ винокуренный заводъ далъ 80 тыс. рублей дохода. Поташный и мыльный заводы не давали почему-то прибыли, и онъ передѣлалъ ихъ на фабрику солдатскаго сукна, которая много лѣтъ приносила доходы. Но во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ его увлекала не нажива, а самое дѣло и желаніе облегчить крестьянамъ тяжелое положеніе и дать возможность заработковъ. Себѣ же, какъ самъ онъ говорилъ, онъ желалъ только пріобрѣсти то, что можно унести въ загробную жизнь и что «ни моль, ни ржа не ѣстъ и воры не крадутъ».

Для дѣтей онъ тоже не мечталъ о богатствѣ.

— Я самъ, — говаривалъ онъ имъ, — не получилъ состоянія и вамъ не обязанъ его оставлять. Наслѣдіе отцовъ — честное имя, передаю вамъ незапятнаннымъ. Объ образованіи вашемъ позаботился и трудиться васъ научилъ, а дальше ваше дѣло, живите, какъ знаете, но помните одно: что посѣете, то и пожнете.

Такъ какъ въ Желѣзновкѣ земля была песчаная, то Павелъ Михайловичъ прикупилъ къ ней десятинъ двѣсти годной для хлѣбопашества, и такъ удобрилъ и обработалъ этотъ клочекъ, что хлѣба съ него вполнѣ хватало на прокормленіе пятисотъ человѣкъ фа-

бричнаго народа. Желѣзновскимъ же крестьянамъ некогда было заниматься хлѣбопашествомъ, да оно бы ихъ и не прокормило, такъ какъ земля была ужъ очень плоха; но по приказанію барина завели они коноплянники и огороды, даже садики около всякой избы, и строго наблюдалось за ихъ удобреніемъ и хорошей обработкой, чтобы овощей на домашній обиходъ и конопли на пряжу хватило. Грязныя лачужки превратились въ красивыя кирпичныя избы, съ нѣсколькими окнами въ каждой и крылечкомъ посерединѣ. Выстроены онѣ были по только что введенной тогда Герардовой системѣ, то-есть въ полтора кирпича съ позоломъ между двумя стѣнами. Теперь, слава Богу, такія избы не рѣдкость, но лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ онѣ представляли диковинку.

За всякую работу крестьяне получали издѣльную плату. Каждую субботу около конторы толпились сотни мужиковъ, бабъ и ребятишекъ, получая правильный расчетъ за работу деньгами или хлѣбомъ, такъ что они крѣпостной зависимости почти не знали, кромѣ отеческой руки, которая ими руководила.

Ходилъ Павелъ Михайловичъ, всегда опираясь на толстую, суковатую палку; если бывало разсердится и найдетъ безпорядокъ, то сначала прогонитъ виноватаго съ глазъ долой, запрется въ кабинетъ и долго молится, а потомъ, успокоившись, разсудитъ, насколько вина произошла по нерадѣнію, насколько по злобѣ человѣка; тогда ужъ позоветъ провинившагося и или отчитаетъ его до десятаго пота, или отдубаситъ палкой. Въ томъ и другомъ случаѣ виновный долго помнилъ науку; но сѣчь никогда не сѣкъ, даже и за большую вину. Дѣтей своихъ, напротивъ, сѣкалъ частенько, такая ужъ метода воспитанія была въ то время,—и за ложь, и за шалости; но строже всего преслѣдовалъ онъ нерадѣніе къ молитвѣ. Избави Богъ, чтобы во время всенощной, на которой обязательно должна была присутствовать не только вся семья, но и дворовые, кто нибудь шепнулъ слово или оглянулся; тогда лучше было на глаза ему не показываться. Въ воскресенье у обѣдни, къ которой ѣздили въ ближайшее село, онъ также строго наблюдалъ за всѣми.

Удивительная была страсть у Павла Михайловича строить церкви, при которыхъ онъ даже на свой счетъ содержалъ причтъ. Только не построилъ онъ ни одной церкви въ собственной деревнѣ.

— Я да и мужики мои,—говаривалъ онъ,—достаточно богаты, чтобы ѣздить по церквамъ, а вотъ бѣднымъ мужикамъ пришлось бы идти въ грязь или морозъ въ плохой одежонкѣ пѣшкомъ, чтобы помолиться, а они поэтому не пойдутъ, Бога забудутъ.

Вотъ и строилъ онъ церкви въ самыхъ бѣдныхъ чужихъ деревенькахъ.

Ослабѣлъ ли силой воли Павелъ Михайловичъ въ послѣдніе годы своей жизни, или Богъ испытаніе ему послалъ, но все, нажи-

тое кровавымъ трудомъ, расхитили добрые люди, да и его самого погубили.

Вотъ какъ это произошло.

«Павла Михайловича страшно возмущали откупа. Это было его больнымъ мѣстомъ, такъ какъ, дѣйствительно, откупщики того времени были положительно піявки, высасывающія изъ крестьянъ потъ и кровь. Нѣсколько человѣкъ, желавшихъ и умѣвшихъ нажиться на чужой счетъ, воспользовались отвращеніемъ Павла Михайловича къ откупщикамъ и уговорили его взять самому цѣлую губернію на откупъ, чтобы уничтожить злоупотребленія и вырвать добычу у ненавистныхъ кровопійцевъ. Павелъ Михайловичъ сталъ отговариваться неимѣніемъ залоговъ, но многіе ему навязались съ залогами сами, и онъ, давъ себя уговорить, поѣхалъ на торги. Тамъ другіе любители наживы нарочно стали ему набивать цѣны, чтобы сорвать съ него отступного. Павелъ Михайловичъ, увлекшись ужъ разъ новой затѣей, не умѣлъ отступать. Откупился онъ и порядочно насулилъ отступныхъ, положимъ, оговорившись, что если дѣло дастъ барыши, то они получать кто пять, кто десять тысячъ, а если будетъ убытокъ, то ничего. Документовъ, конечно, никакихъ не дѣлали, въ то время еще вѣрили другъ другу на слово, а Павелъ Михайловичъ былъ честнымъ человѣкомъ, всѣ это знали и повѣрили бы хоть на сто тысячъ.

Взявъ на откупъ цѣлую губернію, Павелъ Михайловичъ по всѣмъ городамъ разсадилъ ближнихъ и дальнихъ родственниковъ, въ которыхъ недостатковъ у него не было, а комиссіонерами разослалъ своихъ крѣпостныхъ. Понадѣялся Павелъ Михайловичъ на нихъ, какъ на дѣтей родныхъ, и горько ошибся. Только еще нѣкоторые сберегли ему копейки, но это были люди простые, а родственники и помощники въ два года окончательно его разорили. Нѣкоторые же дѣйствительно не сумѣли повести дѣло, а большинство спѣшило только потуже набить карманы. Да что бѣдняки! Богатые люди брали по ста, до по ста пятидесяти тысячъ подъ векселя, а имѣнія переводили на имя жены. Уже послѣ смерти Павла Михайловича опекуны тягались съ такими богачами, надѣясь для вдовы и сиротъ хотя что нибудь удержать; судились долго, просудили столько, что новое имѣніе можно было купить, а толку никакого. Пятнадцать лѣтъ продолжалась тяжба, кончилась въ пользу сиротъ, да оказалось, что должникамъ, имѣвшимъ въ то время по тысячѣ пятисотъ душъ крестьянъ, заплатить нечѣмъ.

Какъ Іуда предалъ Христа, такъ и преданные друзья продали больного, разореннаго друга! Градомъ посыпались на него взысканія за залоги имѣній, за срывки, завязались тяжбы. Увѣреніямъ Павла Михайловича не вѣрили, указывая на товарищей его, которые нажились. Сталъ онъ требовать съ нихъ уплаты, а съ нихъ взятки гладки, несостоятельны, да и все тутъ, а имѣнія женины.

Не выдержалъ старикъ посыпавшихся на него ударовъ, сломилась его желѣзная воля, пропали послѣднія силы... Разлетѣлись во всѣ стороны всевозможныя приживалки, родственники, учителя, получавшіе ни за что огромныя деньги; почуяли, что бѣда стряслась надъ домомъ, нечѣмъ больше поживиться, и съ тѣхъ поръ слухъ о нихъ пропалъ. Съ каждымъ днемъ пустѣлъ большой гостепріимный домъ и тѣ флигеля, въ которыхъ еще такъ недавно кипѣла жизнь и все было переполнено массой этихъ негодныхъ тварей, которыя нагло обманывали въ глаза бѣднаго человѣка, говоря, что готовы жизнь за него отдать, и тутъ же доказали это, отступившись совершенно отъ больного, убитаго горемъ старика, на рукахъ у котораго была огромная семья, и который не зналъ, что онъ станетъ дѣлать съ ней, чѣмъ ее прокормитъ, и что изъ его имущества уцѣлѣетъ отъ продажи. Остались только около Павла Михайловича любящія родныя дѣти, которыя рады были, что хотя бѣда, да избавила ихъ отъ нашествія чужихъ; съ любовью жались они къ дорогому имъ человѣку, котораго не только любили, но положительно боготворили! И словно чуяли малютки, что не долго имъ придется пробыть съ милымъ отцомъ, который былъ имъ милѣе всего на свѣтѣ, что уже не придется имъ насмотрѣться на его кроткіе, голубые глаза, наслушаться его мудрыхъ и въ то же время дорогихъ рѣчей!

Убѣдившись, что его мечта уничтожить зло откуповъ, благодаря полному равнодушію окружающихъ къ судьбѣ беззащитныхъ крестьянъ, повела только къ полному его разоренію, а откупщики попрежнему обирали народъ и цѣловальники попрежнему спаивали его, Павелъ Михайловичъ не успокоился. Онъ задумалъ поѣхать въ Петербургъ и добиться у государя отмѣны откуповъ, изложивъ ему лично всю суть дѣла.

Домашніе, увидѣвъ, что Павелъ Михайловичъ повеселѣлъ и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ, думали, что онъ ѣдетъ хлопотать о своемъ дѣлѣ, и охотно отпустили его. Живо собрался Павелъ Михайловичъ и уѣхалъ, взявъ съ собой шестнадцатилѣтняго сына Тихона и стараго, вѣрнаго слугу, Якова. За тысячу слишкомъ верстъ, осенью, по ухабамъ, болотамъ и гатямъ, въ тяжелой и тряской бричкѣ, потогдашнему называвшейся «самокатомъ», потащился больной старикъ защищать интересы дорогого ему народа.

Добрался онъ, наконецъ, до Петербурга, но не на радость. Въ своей губерніи онъ былъ вездѣ первымъ. Встрѣчали и провожали его съ почетомъ, слова его и сужденія имѣли вѣсъ и выслушивались со вниманіемъ. А тутъ ему пришлось со своими записками да проектами по переднимъ большихъ людей таскаться да пороги обивать. Не только не нашлось охотниковъ выслушивать его, но смотрѣли на него, какъ на юродиваго, и послѣ первыхъ же словъ выпроваживали вонъ. Но онъ переносилъ всѣ насмѣшки съ необыкновеннымъ терпѣніемъ.

Семь или восемь мѣсяцевъ искалъ онъ случая увидѣть государя. Гдѣ смотръ, парадъ или праздникъ, туда непремѣнно тащился бѣдный старикъ. Отпихнутъ его жандармы, онъ опять пробьется, но «до Бога высоко, а до царя далеко» — такъ и не удались его попытки. Полицеймейстеръ, узнавъ замыслы Павла Михайловича, велѣлъ за нимъ слѣдить и никуда не пускать безъ надзора; за нимъ постоянно ходили два переодѣтыхъ жандарма. Сынъ же съ Яковомъ тоже ходили за нимъ по пятамъ, но Павелъ Михайловичъ даже не замѣчалъ этого, такъ былъ погруженъ въ свои мысли. Мучительное время пережилъ Тихонъ Павловичъ; эти нѣсколько мѣсяцевъ совсѣмъ разстроили его умственныя способности. Наконецъ, полицеймейстеръ приказалъ сыну и камердинеру увезти Павла Михайловича въ деревню, въ противномъ же случаѣ грозилъ посадить больного въ сумасшедшій домъ. Когда Павелъ Михайловичъ увидѣлъ, что всѣ его труды напрасны, съ нимъ сдѣлалась нервная горячка; его безъ памяти положили въ тряскую бричку и въ бреду и безпамятствѣ довезли до Москвы. Тутъ онъ и умеръ и похороненъ на Ваганьковомъ кладбищѣ, далеко отъ своихъ, отъ всего, что ему въ жизни было дорого. Такъ погибъ этотъ рѣдкій, замѣчательный человѣкъ и истинный другъ народа.

Послѣ смерти Павла Михайловича рухнуло почти все пріобрѣтенное его трудами и заботами. Чужіе долги пришлось платить изъ имѣнія малолѣтнихъ сиротъ, а долги эти, какъ оказалось, превышали все его состояніе. Старшихъ дочерей онъ устроилъ, еще при жизни выдѣливъ, онѣ мало пострадали отъ общаго разоренія. Меньшимъ ничего почти не досталось. Крохи, уцѣлѣвшія отъ отцовскаго наслѣдства, пропали отъ безтолковаго распоряженія опекуновъ. Долго пришлось дѣтямъ Павла Михайловича бороться съ нуждой. Образованіе сыновья и двѣ младшія дочери не кончили; нечѣмъ было платить. Здоровье ихъ пострадало, молодыя силы искалѣчила и подорвала нужда и тяжелая зависимость отъ опекуновъ. Но прошло все дурное, какъ все проходитъ на землѣ, и сыновья выросли, поженились, получили по наслѣдству отъ дяди Ивана Михайловича саратовскія имѣнія. Отцовскія двѣ деревни съ тяжелыми долгами уцѣлѣли, долги мало-по-малу выплатились. Такимъ образомъ исполнились пророческія слова Павла Михайловича: дѣти праведнаго не лишены были хлѣба насущнаго.

Саратовскія имѣнія достались Николаю Павловичу, у котораго, кромѣ дочерей, было два сына; младшій учился въ Николаевской военно-инженерной академіи, кончилъ ее и былъ убитъ въ Ахалъ-Текинской экспедиціи (это—Николай Николаевичъ), такимъ образомъ имѣніе перешло цѣликомъ къ старшему сыну, Павлу Николаевичу, извѣстному электротехнику и изобрѣтателю электрическаго освѣщенія («свѣча Яблочкова»), умершему въ мартѣ прошлаго года, успѣвшему прожить большія деньги и почти ничего не оставившему

дѣтямъ, Желѣзновку же по раздѣлу получилъ Дмитрій Павловичъ, но, несмотря на огромное приданое, полученное за женой, имѣніе скоро было прожито, и одно время онъ даже терпѣлъ нужду. Жена его, Софья Ивановна, получила мѣсто начальницы Усачевско-Чернавскаго заведенія въ 1868 году и съ такимъ умѣніемъ, любовію и тактомъ повела дѣло, что въ скоромъ времени добилась превращенія обыкновеннаго сиротскаго пріюта сначала въ семиклассный, съ правомъ держать экзамены воспитанницамъ при университетѣ, а потомъ и въ самостоятельный институтъ. Ея долгое директорство оставило самую добрую память. Дмитрій Павловичъ былъ долгое время инспекторомъ народныхъ училищъ. Эти прожившіеся и прокутившіеся баре нашли въ себѣ достаточно духовной силы не только трудомъ заработывать хлѣбъ, но и, полюбивъ этотъ трудъ, вложить въ него всю любовь и привязанность бездѣтныхъ людей. У нихъ былъ только одинъ сынъ глухонѣмой и горбатый, который умеръ четырехъ лѣтъ.

Село же Плоское поступило во владѣніе Тихона Павловича. Подъ управленіемъ умной и дѣльной жены, такъ какъ Тихонъ Павловичъ, вслѣдствіе пережитыхъ въ юношескихъ годахъ потрясеній, былъ всегда слабаго здоровья и предоставилъ женѣ хозяйничать, имѣніе процвѣтало; предполагаемъ, оно и теперь процвѣтаетъ въ рукахъ сына его Михаила Тихоновича Яблочкова.

Матери моей, Вѣрѣ Павловнѣ, какъ меньшой, досталось очень мало въ сравненіи съ другими; но зато до самой смерти она неуклонно слѣдовала примѣру и правиламъ отца.

Ю. Н. Карпинская.